

Натаев Сайпуди Альвиевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории народов Чечни
Чеченского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ОСТРАКИЗМЕ В ТРАДИЦИОННОМ ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация:

В статье рассматриваются институты общественного влияния на личность в чеченском традиционном обществе. В условиях отсутствия государства были выработаны механизмы воздействия и осуждения преступников. Органами правосудия в Чечне, которые выносили приговоры по делам уголовного и бытового характера, были сельские суды «кхел», для рассмотрения дел национального значения существовал и «Мехк кхел» – Суд страны. С утверждением ислама с середины XVI в. судопроизводство осуществлялось по шариату кадиями. Но преступления и проступки морально-нравственного характера осуждались по адатам чеченцев и через институт общественного мнения.

Ключевые слова:

адаты, шариат, суды, остракизм, тайп, родство, общественное мнение, осуждение, формы осуждения, преступление.

Nataev Saipudi Alvievich

PhD in History, Assistant Professor,
Department for History of Chechnya Peoples,
Chechen State University

CONCERNING OSTRACISM IN THE TRADITIONAL CHECHEN SOCIETY

Summary:

The article discusses the institutions of social influence on a person in the traditional Chechen society. In the absence of the state, the Chechen traditional society had developed the mechanisms of impact and conviction of offenders. The justice system in Chechnya consisted of village courts "Khel" that rendered verdicts on criminal and domestic cases, and Mehk Khel – the Court of the Country, which considered the cases of national affairs. With the adoption of Islam in Chechnya from the mid XVI century the procedure was carried out by quadi according to the Sharia. At the same time crimes and misdemeanors of moral nature were condemned by the Chechens' adat and through the institution of public opinion.

Keywords:

adat, sharia, courts, ostracism, taip, relationship, public opinion, condemnation, form of condemnation, crime.

В чеченском традиционном обществе существовали институты общественного влияния на личность. Когда интересы личности и общества расходились, то последнее применяло санкции к человеку, нарушавшему адаты. В условиях отсутствия государства были выработаны механизмы осуждения преступников. Органами правосудия в Чечне, выносившими приговоры по делам уголовного и бытового характера, были сельские суды «кхел», для рассмотрения дел национального значения служил «Мехк кхел» – Суд страны.

С утверждением ислама с середины XVI в. в Чечне судопроизводство осуществлялось по шариату кадиями. Но преступления и проступки морально-нравственного характера осуждались и через институт общественного мнения. О формах общественного осуждения у чеченцев писали дореволюционные исследователи А. Берже [1], В.Ф. Миллер [2], Н.И. Харузин [3], они изучали в основном обычай установления «карлага» и объявления проклятия «х1уй кхайкхор». К этой проблеме обращались и И.А. Саидов [4], Ю.Д. Анчабадзе [5]. Мы делаем попытку рассмотрения указанных форм с учетом новых материалов и вовлечения в научный оборот форм общественного осуждения у чеченцев, которые не были описаны в этнографической литературе.

Наиболее применяемыми были формы общественного осуждения «ц1е яйар», «ц1е кхабар», «долар довлар», «х1уй кхайкхор», «не1алт кхайкхор», «карлаг1а йог1ар», «лай кхайкхор», «юьртара ваккхар» – изгнание из села, «махках ваккхар» – изгнание с чеченской земли. У чеченцев существовали следующие формы остракизма: «ц1е яйар», где «ц1е» – имя, «яйар» – погасить, то есть «погасить имя». Если человек совершал недостойный проступок и звали его, допустим, Леча, общество принимало решение переименовать его и дать презрительную кличку или прозвище либо прибавить к имени прозвище, например К1еза-Леча – в данном случае добавлено прозвище «к1еза» – щенок. Использовалась и форма «ц1е кхабар» – букв. «запрет на упоминание имени человека, совершившего недостойный поступок» [6].

Была и другая форма остракизма – «долара довлар», то есть отказ от родства с членом кровнородственной группы «ц1ийна нах», который совершил недостойные проступки или преступление. Родственники не могли воздействовать на родича, они публично отказывались от родства с этим человеком. Он (преступник) терял покровительство и защиту родных и становился изгоем. Родственники не несли в таком случае ответственность за его действия и не мстили за

причиненный ему вред или его убийство. Принадлежность к тайпу обеспечивала человеку защищенность. Изгнание из родственной группы вело к тому, что индивид терял социальную и физическую защиту [7].

Если человек совершал общественно порицаемое действие, он подвергался «х1уй кхайкхор» – осуждению в публичном месте, чаще всего это была «пхьог1а» – квартальная или сельская площадь.

И.М. Саидов писал: «Раньше у чеченцев началу сложения карлага иногда предшествовало х1уй кхайкхор – провозглашение проклятия преступнику и позора его дому по всему селению или по всем ближайшим селениям. Это осуждение преступника совершалось по решению “совета старейших” или собрания жителей селений. Оно выражалось громким выкрикиванием всех сельчан: “будь ты проклят, преступник!”, “будь проклят тот день, когда он родился!”, “позор и проклятия дому, воспитавшему преступника!”, “позор и проклятия его людям!” (родственникам со стороны отца) и потомству и т. д. При этом они били палками по медным тазам и подносам» [8, с. 127]. У ингушей этот обычай называется «вий кхайкхор» (объявление «вий») [9, с. 127]. По мнению этнолога С.А. Хасиева, «х1уй кхайкхор» проявлялось и форме физического уничтожения семьи, если она игнорировала решение общества. Этот вид использовался в Чечне как инструмент борьбы с князьями и феодалами.

Если член общества совершал более тяжкий проступок, то проводился обряд «не1алт кхайкхадар», от «не1алт» – проклятие, «кхайкхадар» – провозглашение. В публичном месте человек подвергался проклятию и бойкотировался обществом. Чаще всего он сам покидал село [10].

Была и другая форма общественного воздействия, впервые описанная в советской научной литературе И.А. Саидовым – «карлаг1а йог1ар». На месте совершения позорного проступка или преступления в землю втыкался столб либо возводилась куча из земли или мусора, каждый проходящий должен был произнести проклятие в адрес преступника и кинуть в кучу камень или землю. И.А. Саидов писал: «Карлаг – это куча камней, щепок, земли, собираемой народом в знак осуждения людей (известных или анонимов), совершивших антиобщественные проступки или преступления. Карлаги воздвигались у дороги, ближайшей к месту, где произошло преступное действие» [11, с. 126]. Исследователь отмечал: «...Этимологическое значение термина “карлаг” – почеченски “к1арлаг1а”. Слово “к1ара” означает “клеть”, “кладовая”, “маленький загон для телят”, окончание “лаг1” – “лаг1а” характерно для “места”, например “моз” – мед, “маз-лаг1а” – пасека. Однако для объяснения термина “к1арлаг1а” как “место, где стоит клеть”, у нас нет достаточных оснований» [12, с. 127].

На наш взгляд, в основе дефиниции «к1арлаг1а» могут лежать близкие по семантике понятия (к1ар, к1ора – уголь, к1ар, к1ара – камни, используемые на водяных мельницах, кира – известь, кхийра – обожженная в печи глина), содержащие сему «камень». «Карлаг1а» по смыслу – могильный холмик с невзрачным памятником из камня. По информации краеведа А. Магомадова, преступника хоронили в круглой яме «кья ор», где «кья» – грех, а «ор» – яма, то есть могила – «яма греха». Тело преступника ставили в скрюченном положении с закрытым двумя руками лицом, как грешника, которому стыдно за содеянное перед Богом и людьми. Устанавливали невзрачный памятник «карлаг1а», и каждый проходящий должен был проклинать его и бросать в него камни.

Согласно народным преданиям, воинов, павших в бою, хоронили лежа в одежде и с доспехами, насыпали холм, подобный скифскому кургану в братской могиле, и воздвигали шест. Людей, достойно проживших жизнь, хоронили в сидячем положении. Первоначальная семантика термина «карлаг1а» – «кья ор» – букв. «яма греха», могила грешника и преступника.

И.А. Саидов отмечает: «Карлаги играли определенную роль морально-нравственного воздействия. Серьезным антиобщественным проступком, или преступлением, за которое могли воздвигнуть карлаг, считалось убийство гостя, путника; убийство кровника, которому было объявлено прощение; надругательство над трупом убитого противника; измена; прелюбодеяние; убийство женщины в счет кровной мести; порубка грушевого дерева; серьезная обида вдовы и сирот; порча дороги, моста, загрязнение источника воды; скрытие своего преступления, если подозрение падает на невинного; иногда и воровство. Прохожие, бросая на карлаг камень, щепку, комок земли, говорили примерно такие слова: “Всемиловитейший бог, сохрани нас от грехов, не дай шайтану соблазнить нас тоже на такие плохие дела. Будь ты проклят со своим семенем (потомством), преступник”» [13, с. 127].

Люди, проступок которых вызывал сооружение карлага, испытывали на себе суровое общественное осуждение. С ними неохотно общались даже дальние родственники. Бойкотируемые всеми, они часто вынуждены были покидать село со своими семьями. О карлагах не принято было упоминать в жилых помещениях; они внушали некоторый страх, как проклятое место. По мнению И.М. Саидова, «карлаги не были порождены ни исламом, ни христианством. Обычай их сооружения по описанному способу – очевидно, местное, кавказское явление, оставшееся с периода ранних

языческих верований и, безусловно, с тех пор претерпевшее некоторые изменения. Возможно, что бросание камней в карлаги есть символическое действие, сохранившееся как пережиток бытовавшего и на Кавказе вида казни – забрасывания преступника камнями» [14, с. 128].

И.А. Саидов также отмечал: «Сооружение карлагов напоминает другие сходные обычаи, бытовавшие в глубокой древности у многих народов. Интересно сравнить с этим обычаем остракизм древних греков – способ общественного осуждения политически неблагонадежного лица голосованием при помощи глиняных черепков, а также древнеегипетские “тексты проклятия” на глиняных сосудах (интересно, что последние, как и “тексты проклятия”, посвящались и известному лицу, и анониму) и пр. Наконец, заметное сходство с подобными обрядами имеет и ритуал, совершаемый паломниками в Мекку, – забрасывание “камнями проклятий” шайтана на горе Арафат» [15, с. 128].

По информации этнографа С.А. Хасиева, у чеченцев был обычай «лай кхайкхор», где «лай» – раб, «кхайкхор» – провозглашение, объявление узденя (свободного общинника) лаем (рабом), если уздень совершал проступок или преступление, не совместимое с адатами. Между аулами Автуры и Курчалой от подножья Черных гор до Гудермеса есть место «Жаг1ан чох». Хозяином этого хутора был убит торговец-армянин. Убийца был объявлен обществом лаем, а его семья изгнана из поселения [16].

Наиболее жесткими формами общественного осуждения в Чечне были формы «юьртаракххар» – изгнание из аула и «махкара ваккхар» – букв. «изгнание с земли», то есть за пределы отечества. Эта мера применялась в отношении лиц, совершивших особо позорные преступления, проявивших трусость в бою, за предательство Родины.

Изгнание из семьи, патронимии, фамилии, общины как форма наказания за преступления широко известна на Кавказе. В источниках XIX в. не часто, но встречаются упоминания о нем, иногда с весьма подробными описаниями и любопытными деталями. Наблюдатели всегда говорили об изгнании как о примечательном явлении в обычно-правовой практике кавказских горцев и, не имея аналогов для сравнения, пытались проводить параллели с древнегреческим остракизмом, хотя в действительности кавказский остракизм имеет с ним мало общего [17, с. 138].

Чтобы составить по возможности подробное описание «кавказского остракизма», выделим следующие моменты: причины изгнания; обряды, связанные с ним; правовое положение изгоя [18, с. 138].

У чеченцев и ингушей изгнанию подвергались люди, повинные в кровосмесительной связи, убийстве родственника, несоблюдении обычая гостеприимства, выразившимся в умерщвлении или ограблении гостя, святотатстве и некоторых других нарушениях права [19, с. 187; 20, с. 141]. Туххум слагал с себя какую-либо ответственность за поведение своего бывшего сочлена, и никакие претензии к изгнанному туххумом уже не принимались. Изгой отныне был предоставлен самому себе [21, с. 139].

У чеченцев изгнание сопровождалось вынесением проклятия преступнику, в котором должны были участвовать все до единого жители села. В день, когда принималось решение предать виновного проклятию, никто не мог задержаться на работе или отлучиться из поселения. Если кто-то пытался уклониться от участия в обряде, его поведение рассматривалось как сочувствие преступнику [22, с. 140].

Церемония вынесения проклятия сопровождалась неимоверным грохотом: все жители одновременно, стоя у порогов своих домов, нещадно колотили в тазы или иную громко звенящую посуду либо палили в воздух из ружей. После этого осужденный, преследуемый всеобщей ненавистью и презрением, был вынужден немедленно бежать из родного села, ища спасения и приюта на чужбине, где можно было предать забвению свое прошлое. Но на родине преступное деяние не забывалось. Для сохранения памяти о нем сооружались описанные ранее карлаги [23, с. 140; 24, с. 187; 25, с. 141].

У абхазов изгнанный преступник лишался покровительства фамилии, так как с этого дня его родичи и однофамильцы отказывались от обязанности мстить за оскорбление, нанесенное их бывшему родственнику. Изгой действительно становился бывшим, ибо лишался права носить фамильное имя. Сам абхазский термин «изгнание» переводится как «исключение из рода» или «снятие фамилии». [26, с. 141]. Эти формы равнозначны чеченскому «долар довлар» – отказу от покровительства или родства.

Сношения с внешними врагами, то есть действия, угрожавшие безопасности родственной группы, также рассматривались как преступления против кровных родственников и имели следствием изгнание изменника, если в таких случаях не применялась смертная казнь как высшая мера. Надо отметить, что главную роль в принятии решения и исполнении наказания преступника играли не тайп, не туххум, не гара, не некъи, а кровнородственная группа «цхъана ц1ийна нах»

(люди одного дома, одной крови) и «дюзал» (семья, членом которой был преступник). При неадекватной реакции родных на первый план выходили родственные группы гара и некъи, затем и тайп. Если интересы семьи преступника и тайпа или общества не совпадали, то общественному осуждению и изгнанию подвергалась вся семья. Адааты чеченцев обеспечивали регламентированное взаимодействие между тайпом, личностью, обществом, тем самым сохранялось социальное равновесие.

Ссылки и примечания:

1. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859.
2. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии // МАК. 1888. Вып. 1.
3. Харузин Н.И. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. М., 1888.
4. Саидов И.М. Чечено-ингушские карлаги // Советская этнография. 1964. № 2.
5. Анчабадзе Ю.Д. «Остракизм» на Кавказе // Там же. 1979. № 5.
6. Информатор Адам Магомадов, 1947 г. р., краевед, житель ст. Наурская ЧР.
7. Он же.
8. Саидов И.М. Указ. соч. С. 127.
9. Там же.
10. Информатор Адам Магомадов.
11. Саидов И.М. Указ. соч. С. 126.
12. Там же. С. 127.
13. Там же.
14. Там же. С. 128.
15. Там же.
16. Информатор С.А. Хасиев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея ЧР.
17. Анчабадзе Ю.Д. Указ. соч. С. 138.
18. Там же.
19. Берже А.П. Указ. соч. С. 187.
20. Харузин Н.И. Указ. соч. С. 141.
21. Анчабадзе Ю.Д. Указ. соч. С. 139.
22. Там же. С. 140.
23. Там же.
24. Берже А.П. Указ. соч. С. 187.
25. Харузин Н.И. Указ. соч. С. 141.
26. Анчабадзе Ю.Д. Указ. соч. С. 141.

References:

1. Berzhe, AP 1859, *Chechnya and the Chechens. Caucasian calendar for 1860*, Tiflis.
2. Miller, VF 1888, 'Archaeological tours', *MAK*, vol. 1.
3. Kharuzin, NI 1888, *Notes on the legal life of the Chechens and Ingush*, Moscow.
4. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2.
5. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5.
6. Informant Adam Magomadov, 1947, A local historian, a resident of Naurskaya, Czech Republic.
7. Informant Adam Magomadov, 1947, A local historian, a resident of Naurskaya, Czech Republic.
8. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 127.
9. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 127.
10. Informant Adam Magomadov, 1947, A local historian, a resident of Naurskaya, Czech Republic.
11. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 126.
12. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 127.
13. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 127.
14. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 128.
15. Saidov, IM 1964, 'Chechen-Ingush karlag', *Soviet Ethnography*, no. 2, p. 127.
16. Informant SA Hasiev, PhD, senior researcher at the National Museum of the Czech Republic.
17. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 138.
18. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 138.
19. Berzhe, AP 1859, *Chechnya and the Chechens. Caucasian calendar for 1860*, Tiflis, p. 187.
20. Kharuzin, NI 1888, *Notes on the legal life of the Chechens and Ingush*, Moscow, p. 141.
21. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 139.
22. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 140.
23. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 140.
24. Berzhe, AP 1859, *Chechnya and the Chechens. Caucasian calendar for 1860*, Tiflis, p. 187.
25. Kharuzin, NI 1888, *Notes on the legal life of the Chechens and Ingush*, Moscow, p. 141.
26. Anchabadze, YD 1979, "'Stigma' in the Caucasus", *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 141.